

4317

ISSN 1727-0537

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им.С.ТОРАЙГЫРОВА

4'2004

ӨЛКЕТАНУ КРАЕВЕДЕНИЕ

ОЦЕНКА ПРОЦЕССА ОСЕДАНИЯ КАЗАХСКИХ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ХОЗЯЙСТВ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920 –Х ГГ.

Р.Ж.КАДЫСОВА

ПГУ им. С.Торайгырова, г. Павлодар

Мақалада седентаризация үрдісінің тарихи ө жазбалық талдауы ө көшпелі және жар-тылай көшпелі шаруашылықтың отырықшылығы қамтылған. Тарихи жазбада қарастырылатын кезең (1920 - жж.) әдебиеттің идеологиялық цензурадан босап, өркендеген тұсымен сәйкес келеді. Сол кездегі зерттеулерде малшаруашылығының товарлы мүмкіншілігінің дәрежесі туралы сурақ туындағанмен абстракты түрде одан кейінгі тағдырын көрсете алмады. Тарихи әдебиетте отырықшыландыру үрдісін тұрақты етіп, өзгермейтін пішіндегі тенденция ретінде Кәсіптендірілді деуге ұмтылғаны байқалды.

В статье дан анализ историографии процесса седентаризации – оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Историография рассматриваемого периода (1920 - е гг.) представляет огромный пласт литературы, во многом освобожденный от идеологической цензуры. Исследования, про-

водимые в тот период, по вопросу о степени и возможностях товарности скотоводческого хозяйства имели далеко не отвлеченный по отношению к его дальнейшим судьбам характер. Историческая литература пыталась квалифицировать процесс оседания как устойчивую и принявшую необратимый характер тенденцию.

Historiographical analysis of the sedentarization process, settlement of nomadic and semi-nomadic farm is given in the article. Historiography of considered period (1920) represents the immense layer of literature liberated from the ideological censorship. The research of the period had the peculiarity of the level and the possibility of cattle breeding marketability and its further fate. Historical literature tried to qualify the settlement process as a steady tendency which had taken an irreversible character.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

Если реформы 1920-х годов, представляя собой волевые социально-регулятивные акции государства в сфере поземельных отношений и перераспределения опосредующих их ресурсов, прежде всего скота, выступали по своим результатам относительно слабой проекцией модернизации, то политика седентаризации без всяких натяжек несла в себе все ее признаки. Это действительно так, если учесть, что радикальная смена до этого абсолютно преобладавшего типа хозяйственно – культурной деятельности должна была стать материализацией «всеобъясняющей» марксовской формулы «бытие определяет сознание». Идеологический смысл данной политики виделся именно в том, что она ускорит «переход ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития».

Мы еще вернемся к политико-экономическому, т.е. прагматическому содержанию целеполаганий «политики оседания». Сейчас же отметим, что именно ее политико-идеологический аспект превалировал в советской историографии.

Традиции соотнесения возможностей «культурного прорыва» с движением казахов в направлении освоения новых хозяйственных ориентаций берут свое начало в скрытых или явных контекстах воззрений еще дореволюционных народных

просветителей, представителей нарождавшейся интеллигенции.

В частности, широко известны мысли по этому поводу Абая Кунанбаева, которые служили авторитетным аргументом в спорах о дальнейших судьбах казахского народа. Эмпирически наблюдая сдерживающую роль кочевого хозяйства и организации быта в развитии процессов консолидации этноса, представители передовой части казахского общества предполагали, что эти препоны будут сняты в ходе хозяйственной эволюции аула.

Отчасти с ними можно было согласиться. Специфика кочевого способа производства было жестко привязана ко времени (сезонный цикл кочевания), но в значительной степени зависела и от пространственной организации хозяйства. Кочевничество не допускало выхода за пределы баланса средств производства: количество скота должно было соответствовать возможностям водно-кормовых ресурсов осваиваемой территории. Отсюда вынужденная дисперсность, то есть распыленность народонаселения (особенно в зимний период). Гораздо менее густая, по сравнению с земледельческим способом организации территории, концентрация населения соответствующим образом сказывалась на низкой плотности информационных связей и коммуникативных контактов внутри кочевого социума. Это, естественно,

далеко не способствовало развитию процессов интеграции.

Однако земледельческие хозяйства имели в этом отношении лишь небольшие преимущества перед кочевниками. Дело в том, что в качестве главной и самой массовой социальной формы организации процесса производства и жизни у земледельцев, точно так же, как и у скотоводов, выступала община. А она с ее замкнутостью и общинными солидарностью и конформизмом, замыкавшими все интересы исключительно на делах своей группы, буквально блокировала способность крестьянства (независимо от ее этнокультурной принадлежности) воспринимать какие-то более широкие, чем общинные, идеи и призывы (включая сюда общенациональные символы и призывы к консолидации)[1].

Часть дореволюционной казахской интеллигенции, считала, что в условиях кочевого скотоводческого хозяйства не фиксируется собственность на землю. А потому колониальная администрация воспринимает пастбища как «ничейные», «свободные» земли и «без зазрения совести отчуждает их». Так, например, С. Шорманов в одной из своих статей в газете «Дала уялаты» писал, что главная причина колонизации лежит в безопасности самих казахов, кочевание которых приводит к утере ими земли. В этой связи он призывал переходить к оседлости, причем свои надеж-

ды в этом вопросе он связывал с царской администрацией [2].

Много копий по вопросу о «плюсах» и «минусах» кочевничества было сломано авторами журнала «Айкап» и газеты «Казах».

Так, на страницах журнала «Айкап» сторонником оседлости выступал Мыржакуп Дулатов[3]. Его взгляды поддерживал Магжан Жумабаев [4]. В статье, подписанной Бекимовым, говорится, что далее развивать скотоводческое хозяйство невозможно.

В целом авторы, выступавшие в журнале «Айкап», поддерживали главным образом идею перехода казахов к оседлости, что и определяло идеологию журнала в этом вопросе.

Газета «Казах», напротив, ратовала за сохранение традиционного типа хозяйствования в виде пастбищно-кочевого скотоводства. Хотя и здесь в более мягких формулировках и ссылок на усиливающуюся в результате изъятия пастбищ нехватку земель звучали призывы к оседлости. Например, к смене хозяйственной деятельности призывал Х. Лекеров в своей статье «Жер іздеген казактар!» [5].

По вопросу об оседлости газета «Казах» и журнал «Айкап», а также «Киргизская степная газета» имели сильно разнящиеся позиции. В той же степени, что это подвигало отдельных современных авторов, например, К. Атабаева охарактеризо-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

вать два последних издания как носительниц социальной и политической заказной информации, отражавших мнение колониальной администрации [6].

По-видимому, контекст определенных публикаций дает некоторые основания усматривать в них некие отголоски чаяний колониальных чиновников. Отдельные публицисты в своей апологии оседлости были движимы привлекательными примерами как-будто бы более рационального хозяйствования в виде земледелия. Безусловно, сказывалось здесь и прямое воздействие, как назвали бы мы сейчас, «культурного империализма», т.е. насаждения идеи о мессианской роли России, «несущей светоч цивилизации туземным народам». Непрестанное подчеркивание и агрессивная имперско-шовинистическая демонстрация «превосходства» земледельческой хозяйственно-культурной традиции перед всеми другими способами адаптации к природной среде стимулировала, а точнее, провоцировала в части интеллигенции ущербный комплекс неполноценности, чувство ложной стыдливости.

И все же было бы несправедливым относить это к прогрессистки настроенной части казахской интеллигенции. «Идея оседлости» овладела ее умами, прежде всего в силу ее искреннего и глубоко подвижнического желания видеть свой народ

вовсе не на задворках всемирно-исторического процесса. Опасность такой перспективы постоянно довлела над задумывавшейся частью казахского общества.

Так, известный общественный деятель, Кольбай Тогусов, явно уязвляя уровень развития общества с его хозяйственной организацией, с тревогой писал: «Скорейшее объединение киргиз (казахов - Р. К.) особенно необходимо потому, что в недалеком будущем большую опасность для самобытности киргизского населения Туркестанского края может представить надвигающаяся опасность со стороны их соседей сартов (узбеков - Р. К.), среди которых за последнее время стали усиленно пропагандироваться идеи о необходимости отрешения первобытного образа жизни... Таким образом, если киргизы теперь же не пробудятся от вековой спячки и не примут меры к проведению национального и культурного объединения, то они рискуют быть поглощенными высшей цивилизацией...» [7].

С ноября 1916 года в Ташкенте началось издание газеты «Алаш», которая явилась продолжательницей общественно-политического кредо (по крайней мере, в вопросах оседания) журнала «Айкап». Здесь публиковались Султанмахмут Торайгыров, Беимбет Майлин, Жусупбек Аймаутов, Шаймерден Альжанов, Садвакас Жандосов, Абдрахман Жандо-

сов, Таир Жомартбаев, молодой Мухтар Ауэзов и другие. Организатором и вдохновителем газеты был уже упоминавшийся Кольбай Тогусов.

Авторы ряда публикаций наивно верили, что неспособность посредством кочевого скотоводческого хозяйства «застолбить» земельные участки, обозначить их видимую эксплуатацию провоцирует крестьян-колонистов и их патронов в лице «русской администрации» к масштабным захватам пастбищ. «Алаш» писала, что пассивно и отрешенно наблюдая, как колониальные власти захватывают лучшие земли и передают их в распоряжение «переселенческому фонду», казахи сами обрекают себя на полное разорение и гибель. Только получение земельных наделов по оседлой норме, переход к более стабильным и устойчивым формам хозяйствования, под которыми недвусмысленно подразумевалось земледелие, предотвратит надвигающуюся катастрофу. В этой связи К.Тогусов и его единомышленники призывали к оседлости и развитию земледелия [8].

Вопросы перехода казахов к оседлости волновали одного из главных идеологов алашского движения, Алихана Букейханова. Казалось бы, он, как приверженец так называемой «западнической» ориентации, должен был ратовать именно за трансформацию хозяйственной деятельности степняков. Ведь чисто внешне

декларации в пользу «отречения» от кочевого образа жизни призваны были подчеркнуть отнесенность их авторов к антиархаики, их приобщения к «передовым цивилизационным смыслам развития».

Но А. Букейханов, как бы предвидя далеко грядущие события, которые мы сегодня обозначаем емким словом «экология», понимал, что главный смысл любой цивилизации – это гармония с природой, жизнеустойчивость не в конфликте, а в согласии с ней. Отвечая своим оппонентам, «стыдящимся своего варварства», он с сарказмом писал: «Как бы ни кичились культурой с чужого плеча и собственным варварством, вы не увеличите ни единой слезой недостаток влаги в Киргизском крае, где скотский помет от недостатка ее консервируется и лежит годами, не изменяя даже своей формы, где, вследствие недостатка атмосферных осадков, процесс выветривания материнской породы и разложения растительных остатков идет адски медленно» [9].

А. Букейханов подчеркивал, что кочевое хозяйство в Степи продиктовано не «варварством», а жестким императивом природы. «Цивилизованные» земледельцы, пусть даже и использующие самые передовые, на тот период, методы и приемы агрикультуры и техники, окажись они в аридных ландшафтных неизбежно встали бы перед альтер-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

нативой: погибнуть или перейти к адекватному типу хозяйствования, т.е. скотоводству. Как бы иллюстрируя такую ситуацию, Букейханов пишет: «Несмотря на все ... привилегии, новоселы (т.е. переселенцы - земледельцы - Р. К.) перенесли немало тяжелых испытаний. На большинстве участков, занятых переселенцами почва оказалась очень дурного качества и ничего не родила..., а некоторые участки были лишены питьевой воды. Много претерпели новоселы также и от незнакомства с местными климатическими условиями: хлеб у них то погибал от засухи, то вымерзал от морозов, то, наконец, истреблялся бичом степей - кобылкой (саранчой). В завершение бед новоселам пришлось пережить подряд три неурожайных года и, дошедшие до крайности, они целыми семьями стали уходить на прииски и заводы соседних уездов в поисках заработка» [10].

А. Букейханов понимал не только всю неразумность «врезания плугом в степь», но и возможные пагубные последствия поспешия природного детерменизма. Уже тогда он писал: «При спешном и массовом переселении крестьян в казахскую степь весьма возможно, что ее целина будет выпахана раньше, нежели крестьянские хозяйства успеют принять более интенсивную форму. Казахская степь, лишившись вековой целины, окажется бесплодной и при

современной технике крестьянского хозяйства перестанет давать урожаи. Здесь повторятся знакомые урожаи юго-восточной России. Распылив превосходные пастбища казахской степи и, обратив ее в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а казахи, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают, если только, пролетаризованные новыми условиями жизни, они не переселятся на горные заводы и города» [11]. Какими пророческими оказались эти опасения и какую аналитическую глубину мышления выказывают они!

Надо сказать, что российско-имперская модель модернизации если и преследовала цели «осовременивания», то лишь в части касаемой собственно метрополии. Колониальная периферия целенаправленно не включалась в эти проекты. Функционируя в логике имперских интересов, российский капитал был заинтересован именно в консервации сложившихся традиционных организаций, но никак не в их преобразовании. Ведь докапиталистический тип аграрного переваселения, продуктом которого выступала массовая пауперизация населения, служил гарантом непрерывного воспроизводства дешевой резервной армии труда. Кроме того, привнесенный, колониальный капиталистический уклад мог без всяких на то помех паразитировать в необъятных просторах неконкурентного традиционно-аграрного поля.

Р.Ж.КАДЫСОВА

ОЦЕНКА ПРОЦЕССА ОСЕДАНИЯ КАЗАХСКИХ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ
ХОЗЯЙСТВ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920 -Х ГГ

Другое дело советские претензии на модернизацию. Они прямо предполагали слом всего старого, ибо революция уже по своему определению означала разрушения во имя обновления. «Обновления» понимаемого, конечно, сообразно идеалам революции социалистической. И здесь не следует усматривать какой – либо иронии, поскольку большевики искренне верили, что коммунизм в гораздо большей степени, чем капитализм способен сообщить обществу импульсы научно-технического и культурного прогресса. И если даже индивидуальное крестьянское земледельческое хозяйство выступало в глазах большевистских технократов и прогрессистов архаикой, то, что говорить о кочевом скотоводческом производстве.

С самого начала прихода к власти Советов вопрос об оседании хотя и не ставился сразу, но постоянно присутствовал в умах адептов революционной идеи. Он становился не просто частью идеологии, но и своеобразной лакмусовой бумажкой, благодаря которой выявлялось, кто есть прогрессист, а кто консерватор, кто «действительно по-советски думающий работник», а кто «скрытый национал-уклонист», а то и еще круче – «враг Советской власти».

Поскольку, как поучал Ленин, любой вопрос Советская власть и партия должны рассматривать как вопрос политический, то ясно, что

проблемы седентаризации быстро переросли из области социально – экономической в сферу политических дебатов.

Как уже огромное множество раз, отмечали исследователи проблем революций, они на первом этапе мало интересуются вопросами экономики. Это приходит потом, а сначала – они больше озабочены демонтажем старого аппарата власти и выстраиванием на его обломках новой институциональной системы. Естественно, что первыми объектами нового переустройства становятся города и лишь затем подходит очередь аграрной периферии.

Очень познавательная работа известного нашего историка А. Турсунбаева «Казахский аул в трех революциях», несмотря на обилие фактов, все-таки не убеждает, что казахский аул оказался в горниле революционных процессов. Лишь после окончания гражданской войны большевики начнут «помянуть» его. Учитывая же, что, Октябрь имел в Казахстане во многом характер «колониальной революции», а еще точнее – «колониального имперского города», то ясно аул оказался первоначально мало затронут им.

Но вскоре такое положение перестало устраивать проводников новой власти в крае. Они требовали расширения социальной базы Октября, что предполагало революционизирование масс. Этого же жаждали

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

и деятели новой власти из среды казахов. «Приниженные» обвинениями коммунистов – шовинистов в том, что казахи «в силу своей забитости не доросли до высоких идеалов революции», всеми силами старались доказать обратное. И самым первым, так сказать видимым для них, препятствием на пути революционизирования казахов они видели «средневековые», «патриархально - феодальные» отношения, которые по их же мнению, питало «отсталое кочевое хозяйство». И в этой связи вопрос о судьбах скотоводства действительно поворачивался для них именно своим политическим аспектом. «Как можно быстрее сломать кочевой образ жизни и включить казахский народ в русло нового социального прогресса» - вот тот градус, под которым рассматривалась в этот период проблема оседания и кочевничества. Под этим лозунгом проходят все выступления в печати в это время. Других голосов было не слышно. Их и не могло быть. Ведь те же деятели алашевского движения еще даже «не амнистированы» Советами.

Весь период политики «военного коммунизма» (1918 – 1921 гг.) отражает идеологию «красногвардейской атаки» на все и вся, что не вписывается в каноны нового устройства общества. В этой связи лишь ленивый не пытался продемонстрировать свой «воинственный революционаризм», а одним из верных

способов тому было предать анафеме все старое и «отжившее», куда, естественно, возбужденное сознание новых прозелитов включало и кочевое хозяйство.

Однако очень быстро кризис, последовавший как расплата за политику «военного коммунизма», заставил считаться с реалиями жизни. Частью их был обширный скотоводческий – кочевой комплекс, выполнявший крупнейшую роль в организации экономики края. Его можно было нарекать «проклятием казахов», подвергать еще более ультрареволюционной словесной обструкции, как это дозволялось в первое время революционной эйфории, но игнорировать его уже стало нельзя. А вера, что «поставить казахов на землю» путем агитации в ауле можно сразу и легко, стоит лишь устранить влияние байства, даже в глазах законченных большевистских ортодоксов обнажилась своими утопическими иллюзиями.

Сменились и партийные циркуляры. Вместо установки на решительную и беспощадную борьбу «против всяких проявлений и остатков феодализма...» [12] и «свержения феодализма» [13] (с которыми прямо ассоциировались так называемые патриархально – феодальные отношения в ауле – Р. К.), выдвигалось требование покончить с левацким забеганием вперед, пусть даже и на словах, ибо даже словесная демагогия отпугивала от власти коренное население. С пере-

ходом к нэпу Ленин в категоричной форме рекомендует местным коммунистам осуществлять «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму...» [14], проводить в жизнь «...внимательное, осторожное, с рядом уступок отношение к мусульманской бедноте». В своих письмах М. Томскому и Г. Сафарову (между ними возник конфликт по поводу путей реализации нэпа в Туркестане) Ленин пишет: «Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклони в эту сторону не потерпим» [15].

Итак, с одной стороны, нэп – как политика, направленная в первую голову на выведение экономики из кризиса и, с другой стороны, провалы периода «красногвардейской атаки» нейтрализовали воинственный нигилизм в отношении номадизма, востребовали более вдумчивого, прагматичного, сказали бы мы сейчас, осмысления его перспектив.

В этой связи на страницах преимущественно периодической печати стали публиковаться статьи, в которых предпринимались подчас небезуспешные попытки понять природу социально-экономических отношений в кочевом социуме, вскрыть логику номадного способа производства с целью выработки эффективных механизмов его стиму-

лирования в условиях нэпа. В контексте именно таких установок были написаны, например, статьи таких авторов как, А. Ашмарин, Л. Кенарский, Е. Пологанский, М. Сириус, В. Соколовского [16] и других.

Поскольку новая экономическая политика преследовала, в том числе, и стимулирование процессов товаризации крестьянского хозяйства, то целый ряд авторов задались целью отследить эти процессы и в преломлении к кочевому аулу.

Здесь можно назвать, например и публикацию И. Шулкова «Объем рыночных связей казахского хозяйства», книгу Е. Тимофеева «Товарность скотоводства», работу Л. Студенецкого «Очерки по экономике казахского хозяйства», статьи Г. Николаева «Куяндинская ярмарка», А. Константинова «Краевые ярмарки КССР в 1928 году», Б. Семейского «Экономика кочевого хозяйства Казахстана» [17] и другие.

Эти и другие авторы достаточно тщательно исследовали бюджеты крестьянских кочевых хозяйств, проверяли балансы отчуждения на рынок продукта крестьянского труда в сравнении с участием кочевых хозяйств в приобретениях на потребительском рынке и т.д. При этом было заметно усиленное стремление авторов к одной, столь искомой для них цели – доказательству влияния нэпа на подвижки в росте товарности скотоводческого хозяйства. Во всяком

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

случае, выводы этих исследователей говорят именно об этом.

Между тем, любые исследовательские процедуры в этом направлении, были заведомо обречены на провал. И дело здесь было вовсе не в отсутствии, как пишет один из авторов, сколько – нибудь полно представленных данных по крестьянским бюджетам или слабой фиксации выхода товарного скотоводческого продукта [18].

Все обстояло гораздо проще, которое заключалось в специфике кочевого хозяйства. Его производство никогда не было и в принципе не могло быть нацелено на рынок. И, прежде всего потому, что здесь главным мотивом производства, как и в любой аграрной экономике (т.е. экономике доиндустриального, дорыночного типа), выступала так называемая «экономика выживания». Главной ее целью было не производство прибыли, а воспроизводство человека. А эта задача вполне решалась в рамках самодостаточной натуральной автаркии кочевого хозяйства. И требовать от кочевого комплекса рыночной ориентации означало не знать природу его функционирования.

А что же тогда фиксировали названные авторы, когда говорили о подвижках в товарности скотоводства. Они наблюдали товаризацию скотоводства как отрасли в целом, но отнюдь не товарность индивидуаль-

ного скотоводческого хозяйства. Эти процессы имели не только разноскоростной, но и более того разнонаправленный характер. Рост же товарности индивидуального скотоводческого хозяйства, если и имел некоторое место, то это была так называемая «вынужденная товаризация». Речь идет о случаях, когда скотоводы – кочевники обращались к рынку, чтобы купить товары промышленного происхождения, а для этого им были нужны деньги, которые выручались посредством продажи на рынке доли (небольшой) скотоводческого продукта. Скотоводы были вынуждены реализовать определенную часть своего продукта и для того, чтобы заплатить денежные налоги [19]. Другими словами величина отчуждаемого на рынок продукта была эквивалентна уровню налогов и цены приобретаемых промышленных товаров, никак не больше.

Надо сказать, что исследования, проводимые в тот период, по вопросу о степени и возможностях товарности скотоводческого хозяйства имели далеко не отвлеченный, по отношению к его дальнейшим судьбам, характер. Как известно, Сталин выдвигал в качестве одного из аргументов в пользу коллективизации села утверждение, что индивидуальные крестьянские хозяйства, вернее миллионы их «распыленных» единиц в принципе не способны решить продовольственную проблему

в СССР, что они якобы не смогут удовлетворить в сырье расширяющуюся промышленность. Этот вывод казался еще более правомерным применительно к скотоводческим хозяйствам, что прямо наводило на тезис о необходимости их реорганизации в соответствии с духом «сталинской аграрной революции».

Подстраиваясь под логику нэпа, большевистские радикалы, тем не менее, ни на йоту не расставались с мыслью о неизбежной, по их мнению, и необходимой ломке традиционного хозяйственного комплекса. Было бы несправедливым утверждать, что при этом они были движимы исключительно позывами классовой нетерпимости, т.е. желанием как можно скорее покончить с «байским засильем в кочевом ауле», хотя это был, безусловно, ведущий мотив.

Не следует забывать, что Октябрь с самого начала ангажировал себя как революцию, целью которой выступают идеи социального прогресса, т.е. беспрецедентная модернизация во всех структурах организации общества, т.е. в сфере его политических, экономических, социальных и культурных отношений. Справедливо усматривая в кочевничестве институт, далеко не способствующий социальному прогрессу, большевики пытались найти способы его трансформации.

В русле таких устремлений власть приветствовала любые преце-

денты перехода кочевников к оседлым формам хозяйства и быта, всячески пропагандировала их. В газетах лет рассказывалось как «казахи целыми аулами переходят к оседанию». При этом авторы, освещавшие эту тематику, самонадеянно писали, что «кочевники воочию убедились в преимуществах земледельческого хозяйства и не хотят больше мириться со скитанием по степи» [20].

Газеты пестрели и сообщениями так называемых «селькорров» о «прибытии кочевников на соляные промыслы Западного Казахстана, Эмбенские нефтяные промыслы, рыбные заводы Арала» [33]. «Процесс оседания набирает темп!» - вот один из заголовков статьи в газете «Красный Урал» [21].

Между тем далеко не случайно именно в Западном Казахстане «оседание набирало темп». После гражданской войны, разорительной политики «военного коммунизма» и как ее следствия сильнейшего голода 1921 г., усугубленного к тому же сильнейшей засухой и нашествием саранчи, кочевой аул впал в полосу затяжной пауперизации, т.е. обнищания. Резкое сокращение поголовья скота и кормовой естественной базы лишили значительную часть кочевников средств и факторов производства. Нищали целые общины и их объединения. Поиск альтернативных сфер занятости как вопрос или смерти - вот, что дви-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

жило кочевниками в этих условиях, а отнюдь не та чудесная хозяйственно – культурная переориентация их сознания, которую так стремились усмотреть здесь отдельные публицисты и чиновники.

Другими словами, почти все 20-ые годы периодически развивались процессы, которые были для кочевников всегда характерны в периоды кризиса их хозяйства. Мы имеем в виду процессы так называемой «деномадизации» и «обратной номадизации». Утратив средства производства в объеме достаточном для нормального воспроизводства скотоводческого хозяйства, кочевники «покидали» Степь и перемещались на ее периферию в поисках средств к существованию (они батрачили в казачьих станицах и русско – украинских переселенческих хозяйствах, работали чернорабочими – сезонниками на промыслах и т.д.). Но как только позволяли обстоятельства, они тут же возвращались в скотоводческий комплекс.

И именно эти процессы и наблюдали некоторые авторы, а вовсе не «добровольный переход к земле», как об этом писал, например, Л. Карвин в своей статье «О стихийном переходе киргиз кочевников Уральской губернии к оседлости» [22].

Надо сказать, что в 1920 - ые годы власть ратовала за оседание отнюдь не только на словах. Целый ряд ее акций был призван прямо способ-

ствовать переходу кочевников к оседлости. Уже в ходе земельно – водной реформы на юге Казахстана она широко инициировала кампанию по массовым ходатайствам аульных обществ по переходу на оседлость. Это движение получило свое организационное оформление в рамках деятельности союза Кошчи – первой массовой организации казахской бедноты.

В середине апреля 1924 года было утверждено «Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения КирАССР». Положение предусматривало регламентацию сплошного землеустройства по почину земельных органов во всех кочевых и полукочевых районах республики. В положении особо выделялся пункт о выделении земельных участков для оседающих.

Оседающему населению участки должны были отводиться по норме, установленной для соседнего коренного земледельческого полуседлого населения, следовательно, большей, чем у обычных земледельческих хозяйств. Этим предполагалось дать кочевникам и полукочевникам возможность освоить новую форму хозяйства. Кроме того, оседающим хозяйствам выдавался в кредит инвентарь с рассрочкой выплат на десять лет, семенная ссуда сроком на пять лет, бесплатно отпускался лес на постройку жилых домов и

хозпомещений. Оседающие освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога на пять лет.

Только в 1925-1926 гг. льготы по землеустройству получили 29,3 тыс. хозяйств, при этом с них был сложен налог на сумму почти в 300 тыс. руб. [23]. Аналогичная помощь оказывалась оседающим хозяйствам по положению о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской АССР, принятом чуть раньше – в мае 1923 г.

Как мы уже отмечали, литература того периода (1920-е годы) пыталась квалифицировать процесс оседания как устойчивую и принявшую необратимый характер тенденцию. Характерные в этом отношении статьи, например, А. Донича «Проблема «нового казахского аула» [24] или В. Скороспешкина «К вопросу о реконструкции животноводческих хозяйств КАССР» [25].

Причем тенденция эта рассматривалась исключительно как положительная. Это было бы действительно так, если не принимать во внимание социальный состав оседающих. Сплошь и рядом это, как и следовало ожидать, были пауперизировавшиеся слои аула, его ломпенизированная часть. Оседание влекло их, в одних случаях, шансом обрести некую альтернативу своей безысходности, в других – стремлением безвозмездные преференции в виде различных форм материальной помощи.

Вот одно из ходатайств группы хозяйств Балганалинской волости: «Жители мы все очень бедные ... далеко кочевать не можем, чтобы устроить свою жизнь лучше, желаем приняться энергично за пахоту». Или: «Хотим отделиться от бая, от кулака, жить в одном месте, устроить поселение и засеять хлеб, как бедные граждане» [26].

Многие документы сообщают, что очень скоро, получившие материальную помощь оседающие хозяйства, проматывали ее и возвращались в строй нищенствовавших общин.

Пытаясь найти проявления «интернациональной взаимопомощи трудящихся деревни кочевому аулу» отдельные авторы сообщали о случаях принятия русскими сельскими сходками казахских оседающих хозяйств на свои свободные земельные доли. Наверное, будет не справедливым утверждать, что такого не было. Документы подтверждают, что таких прецедентов было немало. Но далеко не всегда они имели бескорыстный характер. В отчетах отдельных органов, проводивших землеустройство, говорится, что очень часто оседающие хозяйства попадали в кабалу переселенческим крестьянским хозяйствам в виде отработок за аренду земли, сельхозинвентаря и тяглогового скота, семенной материал [27].

Итак, почти все 1920 – е годы усилия власти по распространению оседлых форм хозяйства и быта име-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

ли вялотекущий характер. И если этот процесс все-таки и шел то был результатом больше внутренней инициативы кочевников, движимый, напротив, очень интенсивным процессом пауперизации. Однако литература 1920-х годов предпочитала не артикулировать это важное обстоятельство. Причиной этому был пока еще не жесткий идеологический контроль, сколько внутреннее убеждение в жизнениности и эффективности нэпа.

Здесь, кстати, следует отметить, что именно благодаря определенной либерализации экономической жизни мы имеем в историографии 1920-х годов огромный пласт литературы, во многом освобожденный от идеологического начетничества, получаем возможность апеллировать к достойным образцам действительно раскованной творческой мысли и смелых суждений. Кроме того, пожалуй, никогда больше казахский кочевой аул не пользовался таким вниманием исследователей, как это было в годы нэпа.

Но, к сожалению, этот, исключительно плодотворный для историографии период, подходил к концу. На долгие десятилетия она превращалась в безгласную служанку режима. Отныне ее функция сводилась исключительно к радужному расцвечиванию с помощью «конкретно – исторических иллюстраций» «претворение в жизнь исторических решений партии».

Завершая этот историографический период, нельзя, конечно, не сказать о той последней дискуссии, которая развернулась под самым занавес нэпа по поводу седентаризации.

Она примечательна главным образом тем, что оппонентами в ней выступали две разнородные позиции. Сторонники одной из них были движимы глубоким пониманием природы кочевого хозяйства, его природно – климатической детерминированности, осознанием и предвидением трагической пагубности волюнтаризма в какие – бы прогрессистские одежды он не рядился.

Именно эти исследователи и практики, пытаясь спасти Степь от великого бедствия, апеллировали к разуму, мобилизуя для этого все свои знания и опыт, отбросив страх, смело публиковали свои опасения на страницах периодической печати и книг. Мы имеем здесь в виду работы прежде всего таких авторов, как С. Швецов, К. Чувелев, А. Донич, М. Сириус, А. Челинцев, А. Букейханов, К. Султанбеков и другие.

Выделяя в качестве самого решающего аргумента своих утверждений аридный характер природной среды и доказанную тысячелетиями способность кочевого хозяйства эффективно адаптировать ее эти авторы писали:

М. Сириус: «...Наиболее рациональной формой эксплуатации природы этого района (в зоне выпаде-

ния осадков не более 250-300 мм в год – Р. К.) является именно кочевая форма хозяйства» [28].

А. Челинцев: «...Преобладающим типом хозяйства, обусловленным самой природой края, является экстенсивное скотоводческое хозяйство, которое является характерной и отличительной чертой Казахстана, сравнительно с сельским хозяйством других районов СССР» [29].

К. Султанбеков: «...Форсированное и непродуманное развитие зернового хозяйства неизбежно приведет к кризису скотоводства» [30].

П. Ясинский: «Вся крупнейшая территория Казахстана, простирающаяся к югу от изогипсы в 250 мм, самой природой предназначена только для развития животноводства» [31].

С. Щецов: «...В сухих степях, с редкими и скудными водными источниками, человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое, т.е. растительность в таких местах, скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния. ... Устраните это периодическое передвижение скота и казаху нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню...» [32]. В связи с этой цитатой отметим, что

С. Щецов и сам прекрасно знал Степь, но здесь явно чувствуется влияние и А. Букейханова, так сказать его консультации. Скорее всего, это именно так, учитывая, что А. Букейханов и С. Щецов были не только знакомы, но и симпатизировали друг другу.

Позже, в печально известном пасквили, состряпанном на скорую руку по заданию ОГПУ, С. Щецову навешают ярлык «великодержавного шовиниста» [33]. И это было сказано про исследователя, который писал: «...Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще так примитивны, что они еще не доросли, в большей своей части, до культурного уровня оседлого состояния. С этим предрассудком, нелепым и вредным, давно и решительно следует расстаться. Казах – скотовод и кочевник потому, что иным он не может быть при данных, окружающих его условиях: от него требует этого окружающая природа» [32, С.101].

Именно обличители С. П. Щецова невольно обнажали свою имперско – великодержавную и высокомерно – мессианскую сущность, когда отказывали кочевому скотоводческому хозяйству в принадлежности к «высокой цивилизации», демонстрируя при этом элементарное

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

незнание богатой истории кочевничества и его выдающейся роли во всемирно – исторической эволюции, не говоря уже о нежелании видеть в номадизме эффективный способ освоения аридных пространств. Логика этих поборников «цивилизации» была проста и ущербна до примитивизма: «Пусть засуха, пусть неурожай, пусть голод, зато земледелие, т.е. цивилизация!»

Понятно, что такое мышление вставало непреодолимой и глухой стеной из ваты на пути любых научно-рациональных аргументов. Демагогия, наподобие той, что скрыто проповедовалась в статьях, типа «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры» [34] в середине 1920-х годов, абсолютно воцарились к их концу.

К этому времени был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. Так называемые сельхозартели были объявлены высшей формой кооперации, конечной целью развития

крестьянского производства. Индивидуальное производство было объявлено анахронизмом. «путем к деградации деревни». «Железный конь идет на смену патриархальному деревянному плугу!» - с пафосом писали газеты. Что уж было говорить про «субогую юрту убогого кочевника» - сверхархайка, да и только. Кто не согласен с этим, тот однозначно враг прогресса, а точнее государства и «всего трудового народа».

Огосударствление отношений собственности в аграрной и промышленной сферах материального производства (коллективизация и индустриализация) завершило тоталитарную эволюцию государства, начатую в октябре 1917 года. Отныне идеология, и, как часть ее, историография, как и все сферы материального и общественного бытия попадали под жесткий контроль государства, Сталина и в дальнейшем – «верных продолжателей его дела».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. Алматы; 1997. С.Ув-т Туран, - 360 с.

2. Киргизская степная газета (1888 – 1902гг.) Алматы: Ғылым, 1994. 8166.

3. Дулатов М. К вопросу о киргизском землепользовании // Киргизская степная газета, 1895. - №17 // Кир-

гизская степная газета (1888 – 1902гг.) Алматы: Ғылым, 1994. - С. 445.

4. Жумабаев М. Дала қала // Энциклопедия «Айқап». Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. - С.100-101.

5. Лекеров Х. Жер іздеген қазақтар // Газета «Қазақ». – Алматы: Казахская энциклопедия, 1998. - С. 24-25.

Р.Ж.КАДЫСОВА

ОЦЕНКА ПРОЦЕССА ОСЕДАНИЯ КАЗАХСКИХ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ХОЗЯЙСТВ В ЛИТЕРАТУРЕ 1920 –Х ГГ

6. Атабаев К. Мерзімді басылым – XIX ғасырдың аяғы XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихының дерегі ретінде. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – 336.

7. Цит. по: Атабаев Қ. Қазақ баспасөзі Қазақстан тарихының дерек көзі (1870-1918жж.) Алматы, 2000. – 1486.

8. Төгісов К. Государственная дума манайында // Алаш, 1917, 24 ақпан.

9. Алихан Букейханов. Русские поселения в глубине Степного края / Алихан Букейхан. Избранное. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. -С.219.

10. Алихан Букейханов. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи // Алихан Букейхан. Избранное. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. -С. 56.

11. Алихан Букейханов. Киргизы // Алихан Букейхан. Избранное. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995.- С. 72

12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. - С. 168.

13. Цит. по: Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. - Алма-Ата, 1973.- С.187

14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. М.: Политиздат. - С. 198.

15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. М.: Политиздат. - С. 190.

16. Ашмарин А. Кочевые пути, зимовки, стойбища и летовки (исто-

рические описания) // Советская Киргизия, 1925, № 5-6 -С. 111-118; Кенарский Л. Сыр-Дарьинская губерния // Народное хозяйство Казахстана, 1926, № 3 -С. 32-38; 1927, № 5-С. 178-191; Пологанский Е. За новый аул – кыстау. Москва: Из-во Казпредставительство, 1926. – с.; Сириус М. О нормах землепользования для кочевого населения КССР // Советская Киргизия, 1925, № 5-6. -С. 52-59; Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент: Из-во КЦСУ, 1926.

17. Шулков И. Объем рыночных связей казахского хозяйства // Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 11-12. - С. 64-74; Тимофеев Е.М. Товарность сельского хозяйства Уральской губернии. Товарность скотоводства. Уральск: Облстатуправление, 1927; Студенецкий Л.И. Очерки по экономике казахского хозяйства // Известие Западносибирского отдела РГО. Т.4 Омск, 1929; Николаев Г. Куяндинская ярмарка // Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 11-12, - С.225-237; Константинов А. Краевые ярмарки КССР в 1928 году // Народное хозяйство Казахстана, 1929, № 3-34, -С. 143 – 171; Семевский Б. Экономика кочевого хозяйства Казахстана // Известия всесоюзного географического общества. Т. 73 Вып. 1 Москва, 1941.- С. 97-121.

18. Тимофеев Е. Товарность сельского хозяйства Уральской губернии. Товарность скотоводства. - Уральск, 1927. -С. 18-19.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОБЫТИЯ

19. Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально – экономические аспекты функционирования и трансформации. Алма-Ата, 1991. -240с. - С. 21-39.
20. Красный Урал (Уральск), 1923, 14 ноября.
21. Красный Урал (Уральск), 1923, 26 декабря
22. Карвин Л. О стихийном переходе киргиз кочевников Уральской губернии к осёдлости // Советская Киргизия, 1924, № 7. С. - 66-69.
23. ЦГА РК, ф. 44, оп. 10, д.136, л.32
24. Дониц А. Проблемы «нового казахского аула» // Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 4-5.- С. 141-152.
25. Скороспешкин В.И. К вопросу о реконструкции животноводческих хозяйств КАССР // Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 8.- С. 1-14.
26. Цит. по: Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата Казахстан, 1978.- С. 22.
27. ЦГА РК, ф. 74, оп. 3, д.114, л. 14-17.
28. Казахское хозяйство в его естественно–исторических и бытовых условиях. Ленинград, 1926.- С. 4
29. Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 3-5.- С.6.
30. ЦГА РК, ф. 962, оп. 1, д. 264, л.11.
31. Цит. по Павлов К. Казахстан на путях самосознания // Народное хозяйство Казахстана, 1930, № 7-8.- С.52.
32. Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно – исторических и бытовых условиях. Ленинград, 1926,-С. 102-103.
33. Кондратьевщина в Казахстане. Алма – Ата, 1931. -С 98 -100.
34. Букинич Л. «Номадизм», киргизский народ и высшие формы культуры // Советская Киргизия, 1924, № 8-9.-С. 156-169.